УДК 81’44:811.51

А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан

«Кинь нуэ, солы ик ныпъяло»: об отражении в языке некоторых особенностей мировоззрения этноса

В статье актуализируется ряд работ отечественных финно-угроведов, придерживающихся культурологического подхода к языковому материалу. Рассматриваются некоторые примеры функционирования отдельных лексем, входящих в лексические группы: ‘природные явления’, ‘представители животного мира’, ‘предметы хозяйственного обихода’, ‘обозначение родственных отношений и социальных связей’ (в удмуртском и хантыйском языках). Указывается на плодотворное развитие тенденции логико-семантического изучения слов-концептов и выражений идиоматического характера в удмуртском и хантыйском языках. Обращается внимание на некоторые образцы того, как лингвисты в своих работах обосновывают связь языка и культуры, анализируя при этом высказывания идиоматического характера или раскрывая глубинный потенциал лексики, связанной с миром животных, с обозначением цвета, способами передвижения, а также родственными отношениями между людьми.

Ключевые слова: язык, этническая культура, когнитивная функция языка, общее языкознание, лингвистическая типология.

В истории языкознания известно много концепций по проблеме связи этнической культуры и языка, но особенно часто предметом споров, критики, а также дальнейшего развития становилась гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности). В согласии с нашими целями мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых усматриваются положительные моменты, связанные с данным направлением мыслей о языке [Чесноков 1977: 9–19; Плунгян 2000: 109; Кронгауз 2001: 107–110; Черемисина 2002: 111–121; Корнилов 2003: 78].

Однако в данном случае речь может идти и о другом явлении (процессе): о разных путях (способах, приемах) развития языка вообще. Развития и формального, и семантического, а философский подход к вопросу позволяет думать о диалектике процесса: о том, что развитие формы и содержания идет одновременно, где-то – в тесной связи, где-то – в борьбе. Эти процессы развития можно наблюдать, обозревая языки в целом, или рассматривая какие-то отдельные участки (фрагменты) системы. Имея в виду все языки, суть этого процесса (или движения) М. И. Черемисина

сформулировала следующим образом: «С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации» [Черемисина 1992: 77].

Исследователи, работающие в русле когнитивистики на материале финно-угорских и самодийских языков, уже достаточно давно сформулировали положения о существовании неразрывной связи этнической культуры и языка, нашли большое число языковых явлений, отражающих способы и результаты познания этносом окружающего мира, а также – обусловленных спецификой образа жизни и отдельными чертами мировоззрения. В частности, во многих работах данного направления описываются результаты изучения словесных табу, цветообозначений, систем терминов родства и свойства, представлений о старости и болезнях, многих других значимых фрагментов языковой картины мира. Выводы авторов в данных работах подкрепляются материалом учебных, художественных изданий и словарей, в определенной мере использованных и нами [Söder 2001; Кононова 2002; Игушев 2005; Вагатова 2012; Егоров 2013; Динисламова 2019; Кельмаков 2022].

Настоящее исследование зиждется на постулате о том, что любой язык имеет достаточный набор средств (а это не только сами слова и словоформы, но и отношения между ними) для продуцирования бесконечного количества высказываний и текстов. В современных языках абсолютное большинство слов являются многозначными. Это явление распространено (правда, до известной степени и довольно своеобразно) даже в сфере терминологии. Но в праязыках, очевидно, была противоположная ситуация. Весь процесс языкового развития представляется постепенным, все более расширяющимся движением к формальному и семантическому разнообразию. При этом в основе методологии этого развития лежит диалектическое сочетание двух главных способов: экономии и так небольшого по объему исходного звукового материала и придумывание новых формальных (а также и семантических) способов, расширение номенклатуры и знаменательных, и служебных элементов. Но феномен языка в том и заключается, что новых способов словопроизводства не так много: развитие происходит за счет активного использования внутренних потенциальных возможностей (а они носят преимущественно семантический характер).

В узком смысле процесс языкового развития, эта своеобразная игра в слова, предполагает в основном расширение многозначности, использование потенциала лексической синонимии. В широком смысле к словесным играм относятся и специальные приемы в художественном творчестве: аллитерация, яркие тропы, табу, эвфемизмы, оксюморон, речевые

пародии и т. п. Возможно, в этот же ряд следует поставить и образный перенос, и использование одного слова при производстве другого, например, употребление названий животных (или частей их тела) в афоризмах, загадках, а также при номинации игр, игрушек, разновидностей орнамента и т. п.:

СОРТ II *сущ.* ‘щука’… *сорт пеӈк* ‘щучий зуб’; ‘название орнамента (щучьи зубы)’

СОС *сущ.* ‘горностай’: *Амамәтици: йӧхан мӯв сыл хӯват лавәм охәп сохийэ таләсәл* (сос) ‘По берегу реки тянется шкурка с черной, как уголек, головой (горностай)’ [ДСХЯ 2011: 117].

Тухлаӈ вой курал эвалт хән каталла ‘Крылатую птицу за ноги не поймаешь’; *Муй оӈатн энумса: хота ант лэпал* ‘У него рога что ли выросли: в дом не помещается (Так говорят о неуживчивом человеке, постоянно недовольном всем)’; *Олмаӈ лӯк* ‘Сонный глухарь (Так оценивается ленивый человек)’; *Там ханнэхо хул ёш, лант ёш тайл* ‘Этот человек имеет рыбную руку и мучную руку (Так говорят о гостеприимном человеке или удачливом рыбаке, охотнике)’ [Вагатова 2012: 9–17].

Анализ семантической структуры ряда слов-концептов, функционально близких им слов, а также связанных с ними идиом (афоризмов, пословиц, поговорок, загадок), позволяет указать на некоторые типы концептуализации общих представлений об окружающем мире. Мир многообразен, потому и сфер, подлежащих осмыслению и укладыванию в формы языка, также достаточно много. К примеру, в подавляющем большинстве языков достаточно строго разграничиваются определения и предикаты временной и пространственной семантики. Иначе говоря, можно назвать много языков, где просматривается эта стратегия – не смешивать время и пространство, детализировать их разными словами (и способами). К примеру, в финском языке, как и в других финно-угорских языках, для такой детализации вырабатываются многочисленные аналитические формы, в т. ч. с участием послелогов (хотя иногда встречаются и предлоги).

«Аналитизм проявляется в явлении твердого порядка слов в послеложных конструкциях и т. н. отрицательных глаголах, в появлении послеложно-именных сочетаний вместо падежных форм. К примеру, вместо слов в комитативе и абессиве участились послеложные конструкции» [Цыпанов 2008: 157]. Хантыйский язык относится к этой же группе, с некоторыми оговорками [Соловар 2019: 120].

Многие черты (явления) в лексическом и грамматическом строе современных языков восходят к явлениям, присущим еще языкам-предкам. Одним из примеров для подтверждения данного тезиса является сравнительный материал, к примеру, хантыйского и ненецкого, хантыйского и коми, удмуртского и коми языков. Ведя свое происхождение от одного праязыка, в дальнейшем они развили как сходные, так и отличительные

черты в самых разных языковых сферах: фонетической структуре слова, доле флективности в грамматическом строе, наборе падежей, структуре категории принадлежности, системе грамматического числа и других сферах [Серебренников 1962; Черемисина 1992: 83–85; Цыпанов 2008: 71–108].

Очень показательные отличия между языками наблюдаются в таком важном фрагменте, как обозначение цвета. «Различие лексики разных языков в этой области очевидно. Так, русским словам *голубой* и *синий* соответствует лишь одно английское слово *blue*. Напротив, русскому слову *красный* соответствуют два венгерских слова *voros* и *piros*. Польские слова *niebieski* и *granatowy* также соответствуют английскому *blue*, но при этом членят область синего цвета не так, как два русских слова. В языке навахо не различаются синий и зеленый, зато существует два слова, соответствующих черному: условно говоря, "черный, как тьма" и "черный, как уголь"» [Кронгауз 2001: 110–111]. Можно добавить, что и в тюркских языках, подобно навахо, синий и зеленый выражаются с помощью синкретичного слова (*көк*), обладающего сложной семантической структурой. Общая закономерность, видимо, такова: не столь важно, сколько слов, непосредственно обозначающих цвет; с помощью некоторого наличного набора слов необходимо выразить весь наблюдаемый зрением спектр.

Сравнительно мало слов-цветообозначений в казымском диалекте хантыйского языка. «Для "черного" <…> используется слово *питы*, предположительно родственное однокоренному *пӑтлам* 'темный', для "белого" – слово *нуви*, обозначающее также "свет", "луна", для "красного" – слово *вӳрты* (от *вӳр* 'кровь'). В настоящее время дифференциация цветообозначений достигается использованием словосочетаний с базовым словом, представляющим собой эталон сравнения ("как небо", "как трава" и др.). По происхождению эти слова являются глагольными формами, что указывает на процессуальный, а не признаковый характер обозначаемого явления» [Кошкарева 2020: 152].

В целом ряде финно-угорских языков обозначение белого и черного основывается на внутренней форме исходных слов (корней). Эти первоначальные корни чаще всего связаны с выражением значений 'вода', 'лед', 'литься' и 'земля', 'зола', 'грязь' [ОФУЯ 1974: 413–414]. В самодийских языках логико-семантическая связь между «светлым» ~ белым и «грязным» ~ черным не устанавливается. К примеру, в ненецком языке много слов, обозначающих снег и лед, от которых тянется ниточка к слову со значением «белый» [Лаптандер 2014], но указание на цвет в большинстве случаев завуалировано.

Таким образом, по обозначению черного и белого в уральских языках правомерны следующие выводы. «Применительно к финно-угорским

языкам комплекс значений “черный” / “белый” vs “непрозрачный, грязный” / “прозрачный, чистый” может быть связан с тем, что исходно данные лексемы не являлись цветообозначениями… В самодийских языках, с другой стороны, подобного совмещения значений не наблюдается, лексемы со значением “черный” и “белый” не связаны с полями “чистый” и “прозрачный”» [Кошкарева 2020: 158].

Далее рассмотрим содержательное наполнение удмуртских и хантыйских загадок, представляющих собой, как и в любом другом языке, зашифрованное представление о человеке и окружающем его мире. В загадках встречается множество изобразительных слов и выражений. К примеру, в удмуртских загадках образно переосмысляются отличительные признаки обыденных вещей и явлений окружающего мира:

kora, kora – šel'epez eböw (č'as); kuregnis' lapeg, vownis' ǯuǯət (en'erč'ak); puke, puke – vužerez eböw (d'ögɵ); mᵉnᵉkɵz kᵉrd'asa mᵉne, bertᵉkɵz bördᵉsa berte (vɯ vajem); mᵉne, mᵉne no tⁱrnɵd vᵉlaz puks'e (punɵ); s'uwɵs durɵn kᵘreg sit' (pel'gɵ); pič'i korkan vil' kšno börde (muš); ösez no eböw, uknojez no eböw – korkan tal'ak kᵘᵘnojez (kijar, pomidor, kabak, arbuz); odig šl'apa uwin n'ul' vil' kšno (ǯök). ‘Рубит, рубит – щепок нет (Часы); Ниже курицы, выше лошади (Седло); Сидит, сидит – тени нет (Ледник); Когда уходит – поет, когда домой возвращается – плачет (Доставка воды на коромысле); Идет, идет и садится на топорище (Собака); Около лотка куриный помет (Серьги); В маленьком доме жена (букв.: новая) плачет (Пчела); Дверей нет, окна нет – в доме уйма народу (Огурец, помидор, кабачок, арбуз); Под одной шляпой четыре снохи (Стол)’ [Образцы 1962: 301–302].

При анализе загадок становится понятно, что любой язык имеет достаточный набор средств для воплощения множества вариаций на тему «как словами обрисовать тот или иной предмет, описать то или иное явление». Другими словами, загадка представляет собой символическое и образное описание в целом знакомого предмета (явления) окружающего мира. Ниже приведем ряд хантыйских загадок, записанных у носителей казымского диалекта хантыйского языка.

Нэмулты хоятн ан пакнуптыйла, топ лыв ал торилат (*хоп юх лыптат*); *Ешлы, лаюмлы ай хотые верум* (*тыхл*); *Вурнган, вонтнган кутн нымланг хо янгхал* (*вонтр*); *Ил ул – калась, нух кил – нял курпи волас* (*амп*); *Юх тыйн сэванг акань* (*лангки*); *Хөлумъянг хө и хотн вөллат* (*пос, муй па пирум, хот*); *Сэр вөнт, мӯр вөнт сӯнган вӯрты ярнасанг хө лоль* (*тунтэл хурум сӯмат*); *Лапат пӯш тумананг ампар лыпийн най лыйл* (*нохар сєм*); *Пӑтлам хот сӯнган вух лӯянг нє ёнтасл* (*хӑтл ёш*); *Ёш ӑнт тӑйл, кӯр ӑнт тӑйл – мӑнал* (*йєнгк*); *Ям лов лолюм тӑхи турнан ӑн єтла, варасн ӑн єтла* (*рат хӑр*); *Көрт кӯтуп лыптанг юх* (*пөсанг*); *Рат хӑр хонанган, рат хӑр хуща – нюл* (*шайпӯт*); *Нӯм пєлакн – сот, ил пєлакн – сот, щи кӑт-кӯтн хӑнты янгхал* (*хот*) [Методические рекомендации 1990: 6–17].

Общий вывод здесь только один: в структуре самих загадок имеются скрытые «подсказки», своеобразные указания на прототипические признаки загадываемых предметов, явлений, действий.

Глубоким смыслом всегда наполнены крылатые выражения, пословицы и поговорки. Эта общая мысль может быть конкретизирована следующим образом: в идиоматических выражениях, как правило, всегда содержатся слова-концепты или слова-метафоры, и само их присутствие позволяет кратко и емко выразить мысль, сделать значимое суждение. Во многом достижению такого результата способствует интонационное оформление и синтаксическое строение фразы. Чтобы увидеть взаимодействие этих трех факторов, достаточно взять небольшой ряд пословиц и поговорок; к примеру, следующих удмуртских:

Кин' нуэ, солы ик ныпйало; Кырӟан но гур мытис'тэк могак дугдэ; Дан ӧвӧл пу гырлылы – дан гырис'лы; Лымы ӟукыртэ йуж луэмйаз, ад'ами ӟурэ пэрэс'мэмйаз; Пиналэн пэрэс' одиг луэ; Урод гырэм му вылэ йӧны потэ; Букойэс кал'л'эн кӯасано. ‘Кто несет, на того и навьючивают; И песня без запевалы обрывается; Честь не болтуну (‘деревянному колоколу’) – почет пахарю; Снег начинает скрипеть по мере превращения в наст, человек становится ворчливым по мере старения; И старый, и малый одинаковы; На плохо вспаханной земле осот вырастает; Дугу надо гнуть потихоньку’ [Кельмаков 2015: 339].

В заключение приведем один характерный пример из наших записей хантыйской разговорной речи. В селе Казым довольно часто нам приходилось слышать фразу о родственниках со стороны матери: *Ӑсэвемйӑспухем пӑта лаль хопа лэллум!* ‘За кузину-кузена на войну пойду! (букв.: в лодку войны сяду)’. В ней концентрированно выражено отношение к этим родственникам, от нее веет убежденностью, что такими связями ханты очень дорожит. Интересна эта фраза и с точки зрения формы: представление о вступлении в войну передается образно; не случайно и упоминание самого привычного для ханты-рыбаков транспортного средства – лодки.

На материале любого языка интересно исследование принципов языковой категоризации. Глубокий семантический анализ позволяет увидеть непосредственную связь между ментальной деятельностью человека и определенными языковыми явлениями. Познание способов этой связи позволяет детально изучать лексикон (словарь), разговорный и художественный дискурс носителей языка.

Отношения между языком и мировоззрением включают процессуальный характер познавательной способности, внутреннюю таксономию культурных концептов, закономерности структурно-семантической организации грамматических категорий и словарного состава. Выявление этнической специфики предполагает учет взаимодействия языковых,

этнокультурных и психологических факторов в функционировании языка, выяснение роли различных языковых единиц в настройке системы коммуникации. Языковые явления, единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

Значительный семантический потенциал любой лексемы позволяет ей участвовать в бесконечном числе высказываний, но каждый раз – в выражении определенной мысли. Поэтому лингвистам важно выявить механизм, способствующий адекватному употреблению лексемы в типовых высказываниях (в частности, в составе пословиц и поговорок).

Приходим также к выводу, что в результате лингвистического и культурологического исследования достаточно легко очерчивается круг лексических единиц, идиом, грамматических форм и моделей (в нашем случае – удмуртского и хантыйского языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. На основе их семантического анализа могут быть сформулированы положения о существовании неразрывной связи этнической культуры и языка. Многие лексические, фразеологические и идиоматические единицы в полной мере отражают конкретные способы и результаты познания этносом окружающего мира. Они же могут служить основой описания языка в контексте наличия в нем множества явлений, обусловленных спецификой образа жизни и отдельными чертами мировоззрения этноса.

Рассматривая подобные языковые явления, можно сделать определенные выводы о связи языка и культуры, о наличии в каждом языке особенных способов концептуализации и категоризации мира. Все они, так или иначе, отражают сложные отношения между языком и культурными концептами. Глубоко спрятанные смыслы, являясь результатом познавательной деятельности этноса, опираются на модели, проистекающие из особенностей мышления. В большинстве своем эти исходные данные, конечно, преломлены в языке, типизированы, но некоторые явления и формы остаются тесно связанными с характеристиками этнической специфики.

Источники

Вагатова М. К. Ханты ясаң нуват = Ветви хантыйского языка: сб. хантыйских пословиц, поговорок, народных изречений, сказок-загадок на хантыйском языке с переводом на русский язык. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 40 с.

ДСХЯ 2011 – Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект. СПб.: Просвещение, 2002. 216 с.

Методические рекомендации 1990 – Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок. Ханты-Мансийск, 1990. 18 с.

Образцы 1962 – Образцы диалектных текстов: Т. И. Тепляшина. Удмуртский язык // Вопросы финно-угорского языкознания: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 282–304.

Литература

Динисламова О. Ю. Особенности национально-культурных представлений о старости в мансийской и хантыйской языковых картинах мира // Предложение как единица языка и речи: материалы Всерос. науч. симп. с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рожд. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 109–112.

Егоров А. В. Фразеологическая картина мира удмуртского, венгерского и английского языков (на примере тематического блока «человек») // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. М.-А. Кастрена (Абакан, 25–28 сент. 2013 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2013. С. 69–77.

Игушев Е. А. Хантыйские реалии в диалектах коми языка (по материалам героического эпоса) // Материалы VI Югорских чтений «Героический эпос обских угров: наследие и современность»: сб. ст. М.: Икар, 2005. С. 123–128.

Кельмаков В. К. «Бабочку-душу свою жалею» (к происхождению и письменной истории одного удмуртского выражения и слов, его составляющих) // Урало-алтайские исследования. 2022. №4 (47). С. 73–99.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 152–166.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 399 с.

Лаптандер Р. И. Терминология снега и льда в ненецком языке // Вопросы уралистики 2014: научный альманах. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 423–428.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Серебренников Б. А. Из истории падежной системы пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 9–32.

Соловар В. Н. Семантические особенности глаголов хантыйского и мансийского языков с превербом кӑтна / катәщ / китҳи / киттыг // Предложение как единица языка и речи: материалы Всерос. науч. симп. с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рожд. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 120–122.

Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Кола, 2008. 216 с.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992. 92 с.

Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 254 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 7–62.

Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala, 2001. 154 p. (Studia Uralica Upsaliensia 33).

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 S.